

К.В. ХВОСТОВА

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ЗНАНИЙ

В настоящее время в западной и российской философии наблюдается новый виток в представлениях о сближении естественных и социально-гуманитарных, прежде всего исторических, наук. Предполагается, что это сближение происходит как на философском, эпистемологическом, так и на методологическом уровнях¹. В данной статье делается попытка оценки соответствующих воззрений с позиций историка, придерживающегося рационалистических взглядов, восходящих частично к позитивистской эпистеме, к современной герменевтике, а также к пониманию исторической истины как когерентности. Это означает соответствие утверждений и выводов не только сведениям источников, но и уровню знания. Кроме того, в статье рассматриваются как непосредственные, так и более отдаленные теоретические предпосылки сближения не столько в целом естественных и социально-гуманитарных наук, сколько специально естественных и исторических наук.

Известно, что основной идеей онтологических воззрений в европейской философии начиная с эпохи античности и вплоть до XVIII и XIX вв. была идея бытия. Несмотря на имеющиеся у отдельных философов расхождения в его понимании, общим было то, что разум рассматривался как инструмент объективного познания бытия, обеспечивающий единство необходимых для его понимания познавательных средств – понятий и методик, создающих возможность постижения истины. Подобные идеи восходят еще к Гераклиту, который считал, что истина скрывается в Логосе и открывается разумом².

При этом существуют давние философские традиции в рассмотрении бытия, понимаемого или как единство природы и общества, или как их различие и противопоставление. Античный опыт в этом отношении неоднозначен. Как отмечал М. Хайдеггер, в эпоху ранней античности понятие φύσις (физис) – природа – означало "сущее в целом". Это наименование "понимается не как природа в позднем новоевропейском смысле, т.е. как нечто...противоположное истории. Имеется в виду смысл более изначальный, чем оба эти понятия, предшествующий им и объемлющий их, природу и историю, а некоторым образом включающий в себя также и божественное сущее"³. Позднее, однако, в античной философии понятие φύσις подразумевает только природу, противопоставляется понятию τέχνη (техне), означавшему человеческую деятельность⁴.

В частности, Аристотель различал τύχη (тихи) – судьбу и αὐτόματον (автоматон) – спонтанность. При этом тихи характеризует жизнь и целенаправленную деятельность

Хвостова Ксения Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра "Проблемы исторического познания". Статья написана при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09-06-00037а.

¹ Об этом см., например: Материалы "круглого стола" "Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа". – Вопросы философии, 2007, № 6.

² Фрагменты ранних греческих философов. Составитель А.В. Лебедев, ч. I. М., 1989; 22. Гераклит, с. 192. 8 (123 ДК). Как пишет М. Хайдеггер: «"Логос" как сказывание неутаенного (ἀληθεία), "алетейя" (истина), – это как добыча, которую надлежит вырвать у утаенности». – *Хайдеггер М. Основные понятия метафизики*. – Вопросы философии, 1989, № 9, с. 135.

³ *Хайдеггер М. Основные понятия метафизики*, с. 134.

⁴ Там же, с. 138.

людей, а автоматон – природные процессы. "Тихи и (происходящее. – К.Х.) от тихи, – пишет Аристотель в "Физике", – относится к тем существам, которым присуще счастье и вообще практическая деятельность... Автоматон же свойственно и всем прочим живым существам и многим неодушевленным". И далее: "Тихи есть причина по совпадению (факторов. – К.Х.) для событий, происходящих по предварительному выбору цели"⁵, т.е. тихи присуща целенаправленной деятельности людей. Подобные идеи о целенаправленной деятельности, присущей только человеку, были затем восприняты Фомой Аквинским.

В прововитоволожность аристотелевской традиции в восточной патристике и богословии природа и общество в духе ранней натурфилософии сближались в некоторых своих проявлениях. В восточном христианстве в отличие от западного богословия наряду с непознаваемой божественной сущностью признавалась подчиненная божественность, отождествляемая с божественными идеями-волениями, содержащимися в божественных энергиях, ниспосылаемых в тварный мир – природу и общество – и вызывающих в нем ответную синергию, т.е. его приобщение к божественной энергии.

На Западе в эпоху Просвещения попытка сближения в целом гуманитарного, и в особенности исторического, знания с естественно-научным ассоциируется, в частности, с именами Х. Гольбаха и Ж. Д'Аламбера⁶. Однако И. Кант, как известно, различал чистый и практический разумы, соответствующие наукам о природе и науке о нравственности, т.е. этике. Напротив, у ранних позитивистов О. Конта и К.А. Сен-Симона, развивающих социальный физический, а также у Т. Гоббса и Ф. Бэкона присутствуют идеи применимости физических законов к истории общества.

В конце XIX – начале XX в. идея сближения естественно-научного и социально-гуманитарного, в частности исторического, знаний развивалась в рамках позитивизма Э. Дюркгейма, классифицирующего социальные факты как вещи⁷. Эти идеи были восприняты представителями социологического структурализма и функционализма XX в., отождествлявших социально-экономическую и политическую историю с социологией⁸. Иной была позиция представителя критического рационализма К. Поппера, противопоставившего историческое знание естественным наукам и полагавшего, что "вера в историческую необходимость является предрассудком и предсказать ход истории с помощью научных или каких-либо иных рациональных методов невозможно"⁹. "Мне удалось, – пишет Поппер, – дать опровержение историцизма (так он именует направление эпистемологии истории, связанное с идеей предсказуемости будущего. – К.Х.): я доказал, что по основаниям строго логического характера предсказать течение событий невозможно"¹⁰. Это, как утверждает автор, сделано в его книге "Логика научного открытия"¹¹. И далее он продолжает: "Ход человеческой истории предсказать невозможно. Это означает, что теоретическая история невозможна"¹². Категоричность мнения Поппера – крупнейшего философа современности – и разработанная им соответствующая логика рассуждений должна быть, на мой взгляд, тщательным образом изучена и опровергнута представителями современной синергетики, настаивающими на возможности средствами математики открытия исторических законов, единых на протяжении многих тысячелетий истории человечества, и их предвидения, иными словами, утверждающими

⁵ Аристотель. Физика. II. 6. 197b.

⁶ Гайденко П.П. Проблема рациональности на исходе XX века. – Вопросы философии, 1991, № 6, с. 3.

⁷ Дюркгейм Э. Метод социологии. – Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991, с. 394.

⁸ Boudon R. L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris, 1968.

⁹ Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993, с. 3.

¹⁰ Там же, с. 4.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 5.

возможность управления глобальным историческим процессом¹³. Без полемики с Поппером и нахождения уязвимых мест в его логических построениях современное макро-моделирование, основанное на идеях синергетики, не может считаться доказанным.

Однако, отрицая онтологическое, феноменологическое и эпистемологическое единство исторической и естественных наук, Поппер признавал возможность использования в социально-гуманитарном, и в частности в историческом, знании математических методов. "Когда мы встречаемся с возражениями против применения в социологии количественных и математических методов, – отмечал он, – на ум приходят факты их успешного использования в некоторых социальных науках. Как же после этого можно отрицать их применимость?"¹⁴ Известно, что в наши дни социология и экономика вообще не мыслятся без применения математических методов. Что же касается социально-экономической истории, в рамках которой так же трудно себе представить, каким образом значительный массив количественных данных можно упорядочить без применения математических методов, то ею сегодня почти никто не занимается. Позволительно высказать предположение, что это происходит в силу отсутствия у историков математического образования¹⁵.

Современный французский ученый А. Про, ссылаясь на К. Поппера, также признает методологический аспект сближения естественно-научного и исторического знания, заключающийся в правомерности, необходимости и актуальности применения в истории математических методов¹⁶.

Но, хотя все эти факты свидетельствуют о попытках сближения тех или иных проявлений наук о природе и обществе, и те и другие виды знания продолжают восприниматься как самостоятельные дисциплины, со своим специфическим понятийным аппаратом и уникальной методикой. Математические методы в рамках исторических исследований и их интерпретация отличаются особенностями и имеют ограничения, проистекающие как из специфики исторических источников, задач исторического исследования, так и из характера исторической интерпретации и своеобразия исторического знания¹⁷.

Новый виток в представлениях об известном сходстве наук о природе и обществе, о единстве знания связан с историческим направлением в эпистемологии XX в. и с именами Т. Куна, И. Лакатоша, П. Фейерабенда, М. Полани, С. Тулмина, Д. Агасси. Он ознаменовался внесением историзма в естественно-научное знание и, следовательно, признанием влияния исторической науки на естественно-научные дисциплины. Названные ученые, как известно, обосновывали историчность научных подходов к изучению естественно-научных проблем, зависимость соответствующих исследований от общего культурологического и социологического контекста. Появились идеи неклассической, а затем и постнеклассической рациональности, в рамках которых произошел отказ от детерминистской позиции логического позитивизма Б. Рассела, Р. Карнапа, Г. Фейгеля, М. Шлика и других, рассматривавших естественно-научную теорию как множество аксиом, отражающих научные законы, и множество правил соответствия, определяющих сферу допустимого применения теории к изучению наблюдаемых явлений¹⁸. Это представление о научной теории было заменено более сложными неклассическими концеп-

¹³ Капица С.П., Панов А.Д., Гринченко С.Н., Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Коротаев А.В. Время наводить мосты. – Проблемы периодизации макропроцессов. М., 2006, с. 5.

¹⁴ Поппер К. Указ. соч., с. 32.

¹⁵ Об особенностях применения математических методов в истории см. Хвостова К.В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории. – Новая и новейшая история, 2007, № 3.

¹⁶ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000, с. 210. Ср. Хвостова К.В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории.

¹⁷ Об этом см. Хвостова К.В. Математические методы в исторических исследованиях, с. 68.

¹⁸ Suppe F. The Search of Philosophy Understanding of Scientific Theories. Urbana, 1977, p. 16–17.

циями, основанными на вероятностных представлениях, а позднее – постнеклассическими идеями хаоса и саморегуляции природы в рамках современной синергетики.

Думается, что в современных представлениях об историзме разума, разделяемых приверженцами исторической школы в эпистемологии, неправомерно отсутствуют выводы о связи исторического характера разума, науки, знания с изменением информационных процессов в обществе. Позитивистское внеисторическое отношение к природе базировалось на мнении, согласно которому физические законы постоянны. Это означало, что функции хранения, переработки и передачи соответствующей информации понимались как неизменные во времени и по существу совпадали. Исторический подход, напротив, предполагает различение этих функций и признание факта изменения их характера во времени.

Рост информации во времени, изменение социальных ролей отдельных ее видов, а также форм хранения, переработки и передачи, равно как различение соответствующих функций, обуславливают изменение того культурологического контекста, который определяет историзм разума, изменение во времени научных представлений. Впрочем, весьма важно, что современное историческое направление в эпистемологии вовсе не отменяет законов классической механики и детерминистских представлений позитивизма, но включает их в новые теоретические рамки. При этом характерно, что признание историзма разума означало не просто развитие идеи сближения естественно-научного и исторического знания, но акцентировало, в отличие от позитивистов, влияние этого последнего на первое, а никак не наоборот.

Говорится, например, о привнесении в физику элементов повествования¹⁹. Упрощенное понимание исторического повествования способствовало распространенному в современной философии представлению о герменевтике как единой эпистемологии, которой соответствует общая онтология²⁰. На самом деле историческое повествование включает разнообразие интерпретационных методик, присущих только историческому знанию. Влияние общественно-гуманитарного знания на естественно-научное означает, что любая наука в известном смысле понимается как гуманитарная, точнее историческая: ее теоретико-понятийный аппарат и методика зависят от исторического уровня информации и общего культурологического, социального и мировоззренческого контекстов.

Однако недавняя дискуссия по проблеме современных вопросов сближения естественно-научного и гуманитарного знаний оставила множество нерешенных вопросов. Один из участников дискуссии, И.Т. Касавин, справедливо отметил, что разговор носил "излишне абстрактный характер"²¹. Приверженцы современной синергетики, продолжающие традиции исторической школы в эпистемологии, также сближают естественно-научное и историческое знание²², усматривая истоки своих воззрений, в частности, в идеях Платона²³.

Видимо, идеи синергетиков о хаосе и саморегуляции ближе к представлениям Гераклита. Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов утверждают, "что тепло (горение) может самоподдерживаться в виде определенной структуры – кристалла горения"²⁴, а Гераклит определял космос как "вечно живой огонь", "мерой возгорающий и мерой угасающий"²⁵.

¹⁹ Пригожин И. Философия нестабильности. – Вопросы философии, 1991, № 6, с. 51.

²⁰ Критику такого подхода см. Гайденко П.П. Проблема рациональности на исходе XX века, с. 6.

²¹ Материалы "круглого стола" "Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа", с. 68.

²² Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным. – Вопросы философии, 1992, № 12, с. 3.

²³ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Synergetics at the Crossroads of the Eastern and the Western Cultures. Moscow, 1994, p. 20.

²⁴ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Указ. соч., с. 6.

²⁵ Фрагменты ранних греческих философов, Гераклит, 51 (30 ДК), с. 217.

Свойственные представителям синергетики идеи хаоса восходят в известной мере к взглядам Гесиода и Аристотеля, рассматривавшим хаос как "первое начало"²⁶.

Представители синергетики видят также истоки своих воззрений в идеях Лао-Цзы²⁷. Однако представляется, что лаконичные, не сопровождаемые каким-либо комментарием ссылки на уникальный восточный опыт, осуществляемые при рассмотрении европейской традиции, мало убедительны, несмотря на принципы современного интеллектуального глобализма, предполагающего сравнительное изучение мировых мировоззренческих традиций.

Поскольку идеи синергетики о хаосе и саморегуляции распространяются усилиями современных философов и на общество, точнее было бы в поисках мировоззренческих аналогий сослаться на опыт православия, восточнохристианской патристики и византийского исихазма.

В рамках этих учений, как отмечалось выше, признаются не совпадающие с божественной сущностью божественные идеи-воления, содержащиеся в божественных энергиях, влияющих на тварный мир, вызывая в нем со стороны этого мира синергию. Поэтому обладающий свободой воли человек, если он совершает богоугодные действия, хотя и поступает в соответствии со своими целями, воспринимая божественные энергии, общается к спонтанному божественному творению и целеполаганию²⁸.

Идеи современной синергетики, проецируемые на общество, имеют также в качестве своих исторических корней концепции цикличного времени, характерные для античной историософии и переосмысленные с позиций христианства в рамках восточной патристики и богословия. Циклизм, или круговорот, означал в соответствии с названными учениями повтор природных циклов и общественных ситуаций, предвидение будущего на основе прошлого и также отличал упомянутые учения от западной патристики и богословия. Известно, что Августин в обоснование линейного, телеологического и эсхатологического характера библейского времени писал, что Христос "умер однажды за грехи наши"²⁹.

В дальнейшем на основе идей синергетики появилось направление исследований, связанных с математическим макро моделированием, охватывающим многие тысячелетия человеческой истории, называемое его приверженцами теоретической историей. Сторонники этого направления исходят из идеи не только наличия в истории человечества общих законов, но и возможности их выражения с помощью математики, что позволяет, по их мнению, предвидеть будущее и приведет к выработке оригинального математического аппарата³⁰. Такие утверждения предполагают влияние естественных наук на исторические и в этом отношении отличаются от рассмотренных воззрений представителей исторического направления в эпистемологии.

Безусловно, прогнозы с использованием математических методов осуществляются в современной экономической науке, социологии и политологии. Но они отличаются от изучения законов и прогнозов в естественно-научном знании. В социальном и гуманитарном знании прогнозы имеют пространственно-временные ограничения. Такие прогнозы предполагают, что изучаемые тенденции продлятся еще некоторое время. Если же они прервутся в силу каких-либо непредвиденных факторов, то, само собой разумеется, прогноз не осуществится, что, как известно, случается часто.

Теории синергетики как общего мировидения восходят к синергетике как области физики, разрабатываемой школой бельгийского ученого, нобелевского лауреата И. Пригожина, в рамках которой в физику вводится идея историчности, а также прово-

²⁶ Аристотель. Физика IV, 208b.

²⁷ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Указ. соч., с. 5.

²⁸ Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. – Раздвигая горизонты науки. Сборник к 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008, с. 153.

²⁹ Творения блаженного Августина – епископа Иппонийского. Киев, 1901, часть IV, с. 258.

³⁰ Капица С.П., Панов А.Д., Гринченко С.Н., Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Коротаев А.В. Указ. соч., с. 5.

дятся параллели с временным подходом в исторической науке. В этой связи И. Пригожин ссылается на историков М. Блока и Ф. Броделя³¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что идеи И. Пригожина весьма отличаются от воззрений современных представителей синергетики, претендующих на открытие вне-временных законов исторического развития, которые позволяют осуществлять их выражение с помощью математики и предсказывать с однозначностью дальнейшее развитие человечества. Подобные амбиции чужды И. Пригожину. Его идеи о привнесении в естественные науки элемента историчности полностью вмещаются в современное историческое направление в науке, восходящее к идеям Т. Куна, И. Лакатоша, П. Фейерабенда. Так же как и названные ученые, И. Пригожин полагает, что историческое знание с его темпоральным историческим подходом повлияло на естественно-научное, в рамках которого оказалось целесообразным отказаться от статического рассмотрения явления и детерминизма в духе классического позитивизма. В центре внимания И. Пригожина – хаотическое, меняющееся во времени поведение сложных систем³².

И. Пригожин пишет: "Вырисовываются контуры новой рациональности, к которой ведет идея нестабильности. Эта идея кладет конец претензиям на абсолютный контроль над какой-либо сферой реальности, кладет конец любым возможным мечтаниям об абсолютно контролируемом обществе. Реальность вообще не контролируема в смысле, который был провозглашен прежней наукой"³³. Как видно, эта идея И. Пригожина прямо противоположна той, которую высказывают современные сторонники макромоделирования и однозначного прогнозирования будущего. Далее И. Пригожин пишет о разрушении дихотомии социальных, исторических и естественных наук³⁴. Ученый полагает, что современная наука "мыслит универсум как нечто многовариантное, наподобие сферы человеческого бытия"³⁵.

Влияние исторического (и вообще гуманитарного) подхода на естественно-научный и на общее понимание мира очевидно. Яркая иллюстрация данного вывода – следующее высказывание И. Пригожина: "Любые человеческие и социальные взаимодействия, а также вся литературная деятельность являются выражением неопределенности в отношении будущего. Но сегодня... наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров"³⁶. Высказывания И. Пригожина свидетельствуют о том, что в современном мировидении наметилась идея синтеза представлений, развиваемых ранее приверженцами различных философских направлений. Об этом определенно высказывается Ю. Хабермас, пытающийся обосновать идеи коммуникативной рациональности, основанной на выводах М. Вебера, а также теорий языка и представлений о деятельности³⁷.

Очевидно, что идеи современных приверженцев синергетики, относящиеся к признанию вневременных законов истории и возможности длительных исторических прогнозов, не являются результатом непосредственного развития исторической эпистемологии и синергетики И. Пригожина. Более того, И. Пригожин подчеркнул непредсказуемость поведения человека и социальной деятельности, отметив, как было сказано, невозможность полного научного контроля над реальностью. Характерно, что величайший математик Дж. фон Нейман считал невозможным построение единой содержательной теории сложных нелинейных систем. Представитель современного макромоделирования и прогнозирования общества П.В. Турчин в своей книге "Историческая динамика", думается, излишне категоричен в своем несогласии с приведенным им высказыванием фон Неймана³⁸.

³¹ Пригожин И. Переоткрытие времени. – Вопросы философии, 1989, № 8, с. 3–5.

³² Там же, с. 14, 15.

³³ Пригожин И. Философия нестабильности, с. 51.

³⁴ Там же, с. 52.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, с. 48.

³⁷ Интервью с Ю. Хабермасом см. Вопросы философии, 1989, № 9, с. 81, 82.

³⁸ Турчин П.В. Историческая динамика. М., 2007, аннотация.

Отход от умеренной позиции И. Пригожина содержится уже в интервью С.П. Курдюмова по поводу высказываний И. Пригожина. А именно, С.П. Курдюмов заметил, что И. Пригожин "слишком расширил роль нестабильности, настаивая на принципиальной непредсказуемости поведения сложных систем"³⁹. Представляется, что в воззрениях С.П. Курдюмова и других современных сторонников исторического глобализма идеи предсказуемости поведения социальных систем оказались слишком расширенными.

Можно высказать сожаление, что участники упомянутого выше "круглого стола", посвященного проблемам соотношения социально-гуманитарного и естественно-научного знания, не пригласили на свое заседание историков. Это обусловило поверхностный характер некоторых определений современной исторической науки. Например, прозвучали такие явно устаревшие представления, как, скажем, восходящий к Г. Риккертту тезис, согласно которому в качестве объекта исторического исследования выступают только уникальные явления⁴⁰. Справедливо подчеркнул академик В.С. Степин, что для аргументированного решения проблемы сходства и различия двух рассматриваемых видов знания необходимы работы "в конкретном материале, с использованием имеющегося арсенала концептуальных методологических средств"⁴¹.

Характерно, что большинство историков не почувствовало каких-либо новых требований, предъявляемых к историописанию. Иными словами, они не видят сближения между историческим и естественно-научным знанием. Историки, как и прежде, захвачены собственными, имманентно присущими историческому знанию проблемами, определяемыми состоянием источников и уровнем исторической науки. Приверженцы макромоделирования обвиняют историков в том, что они не знают синергетики. Однако это объясняется тем, что потребность в синергетическом подходе не порождена развитием самой исторической науки, но привнесена в нее извне.

Известное методологическое сходство исторических и естественных наук наблюдается в исследованиях по социально-экономической истории, выполненных с применением математических методов. Речь идет не о макроистории, в рамках которой, например, аграрное общество датируется от неолита до XV в.⁴², а об исследованиях, посвященных ограниченным пространственно-временным диапазонам, обеспеченным однородными сведениями источников.

Но в этих работах, как уже говорилось, сохраняются все признаки, присущие классическому, "качественному" историческому исследованию. В центре внимания находится исторический источник как объект всестороннего качественного анализа⁴³.

В рамках макромоделирования не только не опровергнуты логические построения Поппера, доказывающие невозможность предсказания будущего, но вообще отсутствует логический анализ макромоделей, не создан язык представления знания, не дано определение таких понятий, как историческая теория и исторический закон. Не ясно также, что понимается под "самоорганизацией общества". Известно, что все формы социально-политической и правовой организации – тенденции, структуры, институты, власть, право, мораль, культура – "сделаны" людьми в итоге их интенциональной деятельности. Целесообразность в природе, обуславливающая природную самоорганизацию, и результаты целенаправленной деятельности людей – это разные явления, что известно уже Аристотелю и Фоме Аквинскому. Стабильность социальных отношений во времени и пространстве, проявляющаяся как вероятностная тенденция, также обеспечивается деятельностью людей. Об этом писал еще Ш. Монтескье. "Монархия, – по его

³⁹ Интервью с С.П. Курдюмовым см. Вопросы философии, 1989, № 6, с. 53–54.

⁴⁰ Материалы "круглого стола" "Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа", с. 65.

⁴¹ Там же, с. 71.

⁴² Малков С.Ю. Фазы исторического процесса и социальная самоорганизация. – Каница С.П., Панов А.Д., Гринченко С.Н., Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Коротаев А.В. Указ.соч., с 104, 109.

⁴³ Хвостова К.В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории, с. 69–70.

словом, – приводилась в движение с помощью механизма, который приходится постоянно заводить"⁴⁴.

Исторические структуры, институты и тенденции, формы поведения людей поддерживаются в стабильном состоянии, если информация в обществе перерабатывается в соответствии с принятыми стандартами. В этом случае функции ее хранения, переработки и передачи во многом совпадают. Если же стандарты, в соответствии с которыми перерабатывается информация, меняются вследствие изменения мотивов деятельности людей, то появляются новые неустойчивые формы ее переработки. Соответственно, стабильность в обществе нарушается, возникают кризисы, называемые представителями синергетики бифуркацией. Далее наступают переломные эпохи (хаос, по определению приверженцев синергетики).

Названные в работах представителей синергетики "критерии", положенные в основу макромоделирования, а именно – "смена принципов производства материальных благ", "изменение социальной самоорганизации", "технологические прорывы в военной сфере", "усложнение информационных технологий" – представляют собой сложные социальные системы, требующие четкого определения, которое отсутствует. При этом следует учитывать, что определение подобных многофакторных систем в рамках исторического знания не может быть однозначным.

Многофакторность исторической реальности нельзя "схватить" в едином исследовании. Поппер справедливо подчеркнул невозможность рассмотрения целостности как объекта изучения⁴⁵. Это обнаруживается в необходимости акцентирования различных проявлений целостности, благодаря чему появляются аспекты исследования. Такие аспекты связаны с соответствующими им конкретными историческими понятиями, возникающими путем уточнения общих понятий, отражающих расплывчатое понимание целостности. Логика уточнения общих исторических понятий и превращения их в конкретные разработана В.К. Финном⁴⁶. Например, общее понятие "цивилизация" в конкретном исследовании уточняется, благодаря чему появляются понятия "античная цивилизация", "средневековая цивилизация", "европейская цивилизация" и т.д.

Представители макромоделирования интуитивно чувствуют необходимость охарактеризованной процедуры. Так, П.В. Турчин, обращаясь к общему, оставленному без определения понятию "мощь государства", оперирует его уточненным конкретным понятием "размеры территории"⁴⁷, которое отражает только один, геополитический, аспект этого общего понятия и соответственно только одно из проявлений изучаемой тенденции. При этом автор неоправданно пренебрегает другим уточненным геополитическим понятием общего понятия "мощь государства", а именно – "ролью ландшафта", который, как известно, играл немалую роль в истории. Например, невиданная для X–XI вв. по своим масштабам норманнская экспансия определялась гористым, пересеченным ландшафтом Скандинавии, обуславливавшим трудности земледелия. Это побудило норманнов заняться самым трудным для эпохи ремеслом – мореплаванием – и определило мощь их государственных структур.

Правомерность акцентирования разных проявлений многофакторной реальности, обуславливающая разные аспекты исследования, требующие своих уточненных понятий, не только отличает историческое знание от естественно-научного, но и неизбежно порождает при макромоделировании множество конкурирующих теорий, включающих разные уточненные понятия, соответствующие различным аспектам исследования. Возникающая при этом задача разработки правил соотношения этих теорий остается в макроистории нерешенной.

⁴⁴ Монтегье Ш. О духе законов. М., 1993.

⁴⁵ Поппер К. Нищета историзма, с. 85.

⁴⁶ Финн В.К. Интеллектуальные системы и общество: идеи и понятия. – Финн В.К. Интеллектуальные системы и общество. М., 2006, с. 288.

⁴⁷ Турчин П.В. Указ. соч., с. 25.

Далее, в историческом знании, как известно, существует высокая субъект-объектная корреляция, составляющая существенное его отличие от естественно-научного. Подобная корреляция проявляется в истории в зависимости исторических выводов не только от непосредственного анализа сведений источников, но и от общего уровня исторического знания, что свидетельствует о понимании в исторической науке, в которой доминирует рационалистический подход, истины как научной когерентности. Это находит свое выражение в том, что каждое поколение переписывает историю заново. Кроме того, исторические выводы зависят от индивидуальной исследовательской позиции автора, его мировоззрения, акцентировки тех или иных проявлений прошлого, выбора эвристики, т.е. проблем, гипотез и методов. Именно индивидуальные авторские эвристики во многом определяют новизну и оригинальность отдельных исследований.

Можно утверждать, что основной "заповедью" исторического исследования, о которой знают все историки-профессионалы и которая составляет отличие исторического исследования от естественно-научного, является запрет на получение сведений из чужих работ. Они должны быть взяты непосредственно из исторических источников. Эту "заповедь" представители макромоделирования не соблюдают. При построении графиков, отражающих, по их мнению, вероятностные тенденции развития отдельных процессов на протяжении многих тысячелетий человеческой истории (период аграрного общества, как уже отмечалось, датируется временем от неолита до XV в.), они получают сведения из чужих работ, т.е. из вторых или десятых рук. Авторы использованных работ, естественно, могут по-разному интерпретировать неполные и отрывочные сведения сложных исторических источников, характеризующих древность. Это означает, что сторонники макромоделирования, составляющие из соответствующих данных единый исследовательский массив, подлежащий единой обработке, оперируют с неоднородными сведениями. Поэтому определение характера распределения вероятностей на основе таких неоднородных данных неправомерно. В подобных работах не ставится вопрос о путях и способах нивелировки субъект-объектной корреляции в истории.

Но даже если бы эту корреляцию удалось преодолеть (сделаем такое допущение), остаются другие, еще более серьезные причины неоднородности используемых сведений: эти сведения от огромных пространственно-временных диапазонов отражают сильно различающиеся эпохи со слабыми социальными коммуникациями и потому неоднородны по самой своей природе. Эпоха неолита и XV в. в принципе несопоставимы. Даже если взять более ограниченные пространственно-временные диапазоны, относящиеся к отдаленному прошлому, то и тогда сохранившиеся от соответствующих периодов и регионов данные в результате отсутствия единых научных принципов составления статистических компендиумов, которые появились лишь к концу XIX и в XX в., также отличаются неоднородностью и могут использоваться в целях статистической обработки только после тщательного качественного отбора и интерпретации. Это означает, что такие данные (и каждый историк это знает) нельзя использовать для выявления закономерного характера вероятностных тенденций и экстраполяции выводов о соответствующем распределении вероятностей и численных значениях переменных на более поздние периоды истории. Даже относящаяся к современности статистика, составленная в соответствии с научными требованиями, не всегда может быть основой единого валового анализа, но нуждается в предварительной обработке.

Неоднородность, гетерогенность названных данных отражает тот факт, что они характеризуют не необходимую, закономерную тенденцию, а случайное явление, в слабой степени выражающее результат стечения обстоятельств, которое могло бы быть иным и совершенно не обязательно повторится в будущем. В некоторых ситуациях подобные случайные явления содержат в себе ряд сменяющих друг друга во времени и пространстве вероятностных тенденций, каждая из которых получает свое специальное рассмотрение в рамках традиционной истории на основе анализа источников.

По мнению сторонников макро моделирования, время и место изменения исторических тенденций, историческую периодизацию можно определить в рамках макромоделей. Профессиональный историк думает по-другому. Все формы развития общественных тенденций, а именно их плавное развитие (саморегуляция на языке синергетики), кризисы (бифуркация на языке синергетики), переломные эпохи (хаос на языке синергетики) в исторических исследованиях анализируются на основе исторических источников. Именно на основе традиционного качественного анализа источников были выявлены такие переломные периоды, как, например, эпоха V в. до н.э. в античной Греции, именуемая "греческим чудом" и характеризующаяся невиданным расцветом греческой культуры. Путем качественного содержательного анализа культурологических процессов в мировой истории К. Ясперс вычленил эпоху "осевого времени" (VIII–II вв. до н.э.) как поворота в мировом развитии⁴⁸. Эти выводы никак не связаны с макро моделированием, и остается неясным, зачем оно вообще, если есть источниковедческий материал, позволивший во многих важных деталях выявить названные и многие другие переломные эпохи в истории человечества (например, в европейской истории эпоху Возрождения, Реформации, Просвещения и т.д.). Если допустить, что эти переломные эпохи и могли быть вычленены в результате математического макро моделирования, то подобные модели носили бы в лучшем случае лишь имитационный характер, т.е. были бы лишены познавательного значения. Более того, они приводили бы к упрощению тех детальных представлений, которые получены благодаря качественному анализу. Действительно, периодизация истории, различающаяся в рамках разных исторических направлений, представители которых пользуются разными критериями (например, Г. Гегель, Э. Гуссерль, Ф. Бродель и М. Фуко), осуществляется на основе источников с учетом многих конкретных деталей, позволяющих не только подробно охарактеризовать явление, но и установить его причины.

Итак, выявление необходимого характера, "закона" исторической тенденции возможно только при известном вычленении ограниченного пространственно-временного диапазона ее функционирования. В отношении подобного диапазона исследователь на основе гомогенного материала в состоянии констатировать как сущностные, так и второстепенные факторы, обуславливающие вероятностное развитие соответствующей тенденции, и определить характер распределения вероятностей и их численные характеристики. Вспомним Аристотеля и его теорию присоединения случайных факторов к сущностным причинам⁴⁹. Если данные источников не позволяют осуществить подобные вычисления, остается возможность характеристики изучаемой тенденции в пределах традиционного исторического нарратива⁵⁰.

Расширение пространственно-временного диапазона изучения конкретной тенденции за пределы тех границ, в рамках которых в результате качественного анализа источников установлена однородность соответствующих данных, неправомерно. Все сказанное отражает пределы, ограничивающие возможности сближения исторического и естественного знаний.

Характерно, что современные аналитики разных школ также высказывали мнение о необходимости отдельного рассмотрения различных исторических эпох. Поппер подчеркивал тривиальность общих исторических законов⁵¹ и, как уже отмечалось, невозможность постижения исторической целостности⁵². Он утверждал: "Социальные институты не действуют; действуют только отдельные личности через институты"⁵³. Соот-

⁴⁸ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994, с. 32–50.

⁴⁹ Аристотель. Физика II. 5. 196b.

⁵⁰ Анкерсмит С. Нарративная логика. М., 2002.

⁵¹ Поппер К. Нищета историцизма, с. 172.

⁵² Там же, с. 85.

⁵³ Поппер К. Логика социальных наук. – Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 1993, с. 291.

ответственно, Поппер отмечал ограниченные возможности прогнозов, обусловленные преходящим характером исторических тенденций⁵⁴. По мнению Т. Парсона, ограниченной саморегуляцией в обществе обладают только системы ценностей и языковые системы⁵⁵. Это мнение также представляется спорным.

Общие системы ценностей, допустим, христианские, основой которых являются библейские заповеди, сами по себе постоянны. Меняются различные их интерпретации и их понимание, включенные в развивающиеся во времени и различающиеся в пространстве мировоззренческие системы, связанные с различной культурной, научной, социальной целенаправленной деятельностью людей, создающей социокультурные контексты. Изменения в языке также имеют свои причины и первоначало, восходящие к деятельности людей.

Историчность и неповторимость общественного бытия, в основе которой лежат сменяющиеся исторические тенденции и события, подчеркивал М. Хайдеггер⁵⁶. О. Шпенглер и А. Тойнби принципиально выступали против макроисторического подхода. Отдельные проявления культур, по их мнению, меняются во времени и не могут быть объектом целостного изучения⁵⁷.

Г. Тард подчеркивал качественные социальные различия, возникающие на разных стадиях исторического развития и заслуживающие специального рассмотрения⁵⁸. По мнению Й. Хейзинги, каждая культура имеет свою длительную историческую обусловленность и должна изучаться отдельно, в соответствии с индивидуальными мерками⁵⁹. Все названные, как и многие другие теоретики, явно или неявно придерживались мнения о различиях исторических и естественных наук.

Однако остается открытым вопрос об общих исторических законах. Существуют ли они? Уже древние греки внесли известный вклад в решение этого вопроса. Идея цикличности не только природного, но и исторического времени, повтора общественных ситуаций, характерная для античных авторов⁶⁰ и переосмысленная затем с восточнохристианских позиций⁶¹, отражает в неявной форме представление о постоянных необходимых исторических законах. В новое время эта идея в европейской культуре была выражена Тойнби и Шпенглером. Любая цивилизация, по их мнению, обязательно переживает периоды зарождения, развития, расцвета, стагнации, упадка и разрушения⁶². Можно добавить, что каждая стадия связана с особым поведением человека как его реакцией на сходные факторы внешнего вынуждения, определяемой присущими его природе антропологическими свойствами. Уже древние понимали, что повтор ситуаций сопровождается в обществе индивидуальными проявлениями. *Κοῦσις* (усия) – сущности, как утверждал Аристотель, присоединяются случайные факторы (*συμβεβηκός*, *accidentia*)⁶³. Именно нераздельность сущности и индивидуальных проявлений, думается, делает длительные общественные прогнозы относительными.

И, наконец, остается нерешенной как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях проблема верификации макромоделей. Так, П.В. Турчин считает, что в аграрных

⁵⁴ Поппер К. Нищета историцизма, с. 123.

⁵⁵ См. Hall J.R. Temporality, Social Action and the Problem of Quantification in Historical Analysis. – *Historical Methods. A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*, 1984, v. 14, № 4, p. 209.

⁵⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002, с. 395; *его же*. Очерки философии. О событии. – *Вопросы философии*, 2006, № 11, с. 166.

⁵⁷ Шпенглер О. Закат Европы, т. I. Минск, 1998, с. 32; *Toynbee A. A Study of History*. Oxford, 1979, p. 129–140.

⁵⁸ Об этом см. Boudon R. L'analyse mathématique des faits sociaux, p. 28.

⁵⁹ Huizinga J. Im Bann der Geschichte. Leiden, 1941, S. 88.

⁶⁰ Аристотель. Физика. IV. 10. 218a;

⁶¹ *Ioannes Damascenus. Dialectica. Capita philosophica. Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Ed. by J.P. Migne, v. 94, col. 536–537 D.

⁶² *Toynbee A. Op. cit.*, p. 187–188.

⁶³ Аристотель. Физика II. 5. 196b.

обществах границы государств раньше всего устанавливались в регионах, имевших прибрежную полосу⁶⁴. Непонятно, является ли в рамках рассуждений автора это утверждение интуитивно ясной, принимаемой без доказательств посылкой или оно представляет собой вывод, требующий подтверждения. П.В. Турчин ссылается на пример средневековой Франции, где, по его мнению, границы сформировались довольно рано. Если это утверждение есть результат интуитивного схватывания материала и является исходной посылкой, то пример с Францией – только иллюстрация. Если же это проверка вывода, то вывод не должен проверяться данными из фактологического базиса теории, т.е. данными, использованными при ее построении. Как медиевист, я полагаю, что границы Франции формировались только с XIII в., когда начался процесс объединения земель вокруг королевского домена.

Кроме того, не выяснено, как все выводы и рассуждения представителей макромоделирования связаны с синергетикой, как они дедуцируются из ее постулатов. Связь с синергетикой лишь провозглашается.

Не только при макромоделировании, но и в некоторых конкретных исторических исследованиях, выполненных с применением математических методов, формулы и алгоритмы подбираются на основе общих рассуждений. В такой ситуации может возникнуть множество конкурирующих решений, взаимоотношение которых не рассмотрено ни в конкретно-историческом, ни в логическом планах. Математика в таком случае не способствует точности, а уменьшает ее.

Полагаю, что при моделировании исторических явлений и тенденций, действующих в ограниченном пространственно-временном диапазоне, необходимо предпослать такому моделированию словесную модель, учитывающую простейшие, тривиальные взаимоотношения первичных атомарных факторов исторической реальности прошлого, которые могут быть однозначно оценены с помощью дифференциальных уравнений⁶⁵.

Все сказанное свидетельствует о том, что проблема соотношения исторического и естественно-научного знания достаточно сложна, а выводы о сближении соответствующих наук, возникшие в результате появления нового мировидения в рамках исторического направления в эпистемологии и синергетики, не могут быть непосредственно проецированы на методологию конкретного исторического исследования.

В целом макромоделирование не имеет ничего общего с традиционной исторической наукой, ее теоретико-понятийным аппаратом, методикой, целями и задачами исследования. Эти последние заключаются в стремлении к наибольшей детализации знания, а не к упрощению его. На базе макромоделирования делается попытка создания новой науки, в которой пока не разработан язык представления знания, теоретико-понятийный аппарат и логические принципы применимости предлагаемых познавательных средств. Не определены фактологический и онтологический базисы рассуждений, их связь с конкретной историей.

Что же касается применения математических методов в конкретно-исторических исследованиях, то связанный с ними положительный вклад в эпистемологию истории при соблюдении рассмотренных выше требований, отражающих отличие исторического знания от естественно-научного, может быть значительно приумножен, если возродится утраченный сегодня интерес к социально-экономической истории.

Соотношение исторического и естественно-научного знаний получило парадоксальное выражение в идеях восходящего к герменевтике, а также постмодернизму так называемого лингвистического направления в истории, представители которого преимущественное внимание уделяют анализу языка и интерпретации текстов⁶⁶. Это направле-

⁶⁴ Турчин П.В. Указ. соч., с. 62.

⁶⁵ См. Хвостова К.В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории.

⁶⁶ Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы. – Вопросы философии, 2003, № 3, с. 1–33.

ние, по существу, развивается на базе исторического направления в эпистемологии, восходящего к Т. Куну, И. Лакатошу и П. Фейерабенду и рассматривающего герменевтику не только как приоритетную методiku, но и как общую эпистемологию, относящуюся и к естественно-научным дисциплинам. Одновременно с этим сторонники лингвистического направления подчеркивают характерные особенности исторического знания, отличающие его от естественно-научного. Они развивают идеи историчности текстов, содержащих напластования неоднозначных смыслов. Эта историчность делает тексты "бездонными", что дает возможность их бесконечной интерпретации, при которой акцентируются различные смысловые аспекты. Множественность смыслового содержания означает правомерность альтернативных выводов⁶⁷. Представляется, что в качестве источника концепций, связанных с альтернативными выводами, "историей в сослагательном наклонении", целесообразно рассматривать идею античного театра как виртуальную модель действительности.

Концепция множественности смыслов в историческом источнике четко выражена такими яркими представителями герменевтики, как Г. Гадамер и Э. Бетти. Для них интерпретация – это синтезирующий процесс. С одной стороны, она состоит из предпонимания, определяющего тот смысл, который вносится исследователем, учитывающим уровень современного ему знания, в изучаемый текст. Но, с другой стороны, интерпретатор анализирует и смысл, вложенный в текст его создателями, являющийся для интерпретатора вынесенным, "дарованным" смыслом⁶⁸. Подобное различение смыслов в рамках единого семантического анализа я бы назвала связанным с имманентным и теоретико-оценочным подходами историка к исследованию.

Понятие историчности текста, исторического контекста, определяющего вычленение в текстах тех или иных смысловых содержаний, отвечает тем задачам, которые ставит перед собой профессиональный историк. Однако, думается, далеко не со всеми идеями сторонников лингвистического направления можно согласиться. В частности, значение, придаваемое анализу метафор, мне представляется преувеличенным. Метафора, связанная с расширением семантического диапазона понятия и перенесением вновь возникшего смысла на новый денотат, безусловно, играет большую роль в исторической интерпретации⁶⁹. Однако не меньшее значение в историческом исследовании принадлежит сужению семантического диапазона понятия. Использование именно этой методики приводит к уточнению общих исторических понятий и появлению понятий конкретных, о чем говорилось выше. Такая исследовательская процедура как раз и составляет одну из важнейших специфических черт исторического познания, его радикальное отличие от естественно-научного.

Важнейшей особенностью исторического познания, обойденной вниманием приверженцев лингвистического направления, является также, на мой взгляд, метод исторической ретроспективы, особенно полно раскрывающий содержание временного подхода в истории. Его основу составляет дедуктивный вывод о характерных чертах явлений прошлого, непосредственные данные о которых отсутствуют в источниках. Дедуктивный вывод строится на основе анализа более позднего явления, находящегося в генетической связи с изучаемым. Например, в современной философской мысли отсутствует предельная ясность относительно некоторых недостаточно четких высказываний о времени в сочинениях Аристотеля. Существует мнение, что "теперь" Аристотеля – это точка, предел, прерывное в непрерывном⁷⁰. Однако один из крупнейших философов современности Хайдеггер полагал, что "теперь" Аристотеля – это континуум⁷¹. В Византии

⁶⁷ Нехамкин В.А. Проблема поливариантности исторического процесса. Генезис, пути решения. М., 2002; *его же*. Контрфактические исследования в историческом познании. Генезис и методология. М., 2006.

⁶⁸ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней, т. IV. М., 1991, с. 434.

⁶⁹ Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма, с. 153.

⁷⁰ Гайденко П.П. Мартин Хайдеггер. Изначальная временность как бытийное основание экзистенции. – Вопросы философии, 2006, № 3, с. 166.

⁷¹ Там же, с. 167.

аристотелевские идеи времени во многом были восприняты. Анализ соответствующих византийских источников показывает, что византийцы понимали "теперь" как континуум. Это является существенным аргументом в пользу интерпретации аристотелевских представлений, данной Хайдеггером. Видимо, правомерно считать, что Аристотель понимал "теперь" как континуум⁷².

Идеи постмодернистов, в частности Ж. Дерриды, относительно неприемлемости в современном историческом дискурсе, посвященном изучению многофакторной реальности, дихотомических оценок типа прогрессивный, регрессивный, нуждаются, на мой взгляд, в коррективах, поскольку они противоречивы. Действительно, отмечая неприемлемость дихотомического подхода к изучению истории, представители постмодернизма в то же время призывают к изучению с помощью "деструкции" языковых структур бессознательного в поведении человека; причем это бессознательное трактуется в духе понимания архетипов сознания и поведения Л. Леви-Брюлем и К. Юнгом. Но ведь такие интеллигибельные конструкции, обобщившие содержание дологических представлений в культурах Древности и Средневековья, как "мир небесный", "мир земной", "добро–зло", "свет–тьма", с одной стороны, являлись архетипами культуры, а с другой – носили дихотомический характер⁷³.

В целом представители лингвистического направления, признающие огромную роль интерпретации в истории, не отрицают значимости всех других используемых историком методик. Неопрагматист Р. Рорти писал о значении каузального анализа⁷⁴. Приверженец логического структурализма М. Фуко признавал пользу применения нелинейных математических методов⁷⁵. По-видимому, лингвистическое направление в эпистемологии истории, в рамках которого не только не затушевываются, а наоборот, подчеркиваются особенности исторической науки и одновременно не отрицаются отдельные методологические сходства с естественно-научным знанием, в большей мере отвечает запросам историков-профессионалов.

Вместе с тем историк, придерживающийся явно или неявно рационалистических позиций, вряд ли согласится с идеей постмодернизма о замене понятия истины на понятие новизны. Равным образом для такого историка неприемлема позиция Ф. Ницше, понимавшего историческую истину как набор метафор⁷⁶. В рамках постмодернизма некоторые выводы об особенностях исторического исследования, отличающих его от естественно-научного знания, доведены иногда до абсурда. Историческое исследование понимается как рассказ, литературное эссе, где может отсутствовать аргументация любой эвристики – выбора проблем, гипотез и методик, возможны расплывчатые понятия и смешение понятий. Бесспорно, с XX в. вряд ли кто-либо из аналитиков рассматривал исторические выводы как абсолютную истину. Тем не менее в рамках рационалистического подхода, как отмечалось, историческая истина понимается как когерентность, предполагающая признание истинности исторических фактов и выводов с учетом не только сведений источников, но и общего уровня исторического знания. Рационалистический подход предполагает также необходимость определения общих понятий и их уточнения с целью получения более конкретных понятий, аргументация используемых эвристик: проблем, гипотез, методик, оценок. Признается значимость не только интерпретации, но и каузального анализа, метода исторической ретроспективы, математических методов при анализе социально-экономических явлений, обеспеченных значительной количественной информацией. Рационалистический, комплексный подход к историческому знанию подразумевает не только интерес к событийной истории и

⁷² Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма.

⁷³ См. например: Фрагменты греческих философов, 22. Гераклит, с. 180 (с. 5 ДК).

⁷⁴ Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов. – Вопросы философии, 2003, № 3, с. 30.

⁷⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1994, с. 369–370.

⁷⁶ Nietzsche F. Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinn. – Nietzsche F. Werke, Bd. III. Berlin, 1966, S. 314.

деятельности человека, но и к изучению результатов этой деятельности, *res gestae*, по словам Р. Коллингвуда, т.е. к изучению тенденций, традиций, культур, цивилизаций.

Подмена понятия исторической истины понятием новизны обнаруживает, на мой взгляд, и другое противоречие постмодернизма. Акцентируя роль в обществе "коллективного бессознательного", выявляемого в результате деструкции языковых структур, представители постмодернизма как бы на практике признают ту самую научную истину, существование которой отрицается ими на уровне философских рассуждений.

Постмодернисты, характеризующие историю как свободный "текущий дискурс", с одной стороны, и представители рационалистической эпистемы, настаивавшие на научном характере исторической истины, понимаемой как научная когерентность, развели историков на два лагеря. Одни являются сторонниками красочного изложения истории, близости исторического нарратива к литературному эссе. Другие настаивают на подробной аргументации выбора тем, гипотез, проблем, методик.

Подобное разделение существовало всегда, постмодернизм придал ему лишь более определенное выражение, благодаря которому четко вырисовывается понимание соотношения исторического и естественно-научного знаний.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что общие теоретические идеи постмодернизма и современного лингвистического направления, относящиеся к пониманию истины и признанию анализа языка основой всякого гуманитарного знания, так же как и выше рассмотренные представления синергетики, неправомерно непосредственно проецировать на методику конкретного исследования. Эта методика несравненно более разнообразна и богата и наиболее адекватно отражена в традиционной рационалистической эпистеме. Характерно, что сами постмодернисты, например, неопрагматист Рорти⁷⁷ и структуралист Фуко⁷⁸ предостерегают против подобного прямого распространения своих теоретических воззрений на практику исторического исследования. Это обстоятельство, характеризующее не прямое, а косвенное соотношение теории и практики конкретного исследования в истории, и составляет самую глубинную, основную, сущностную особенность исторического знания, его отличие от естественно-научного. Особенность эта состоит в том, что объектом изучения в исторической науке являются не только необходимые закономерные тенденции, но и вся многофакторная реальность прошлого, случайные события и деятельность людей.

⁷⁷ Рорти Р. Указ. соч., с. 30.

⁷⁸ Фуко М. Указ. соч., с. 368.